

В одном маленьком городке, где на каждом высоком месте стоит церковь, а к ним сползаются добротные купеческие дома, глава местной администрации не без ехидства сказал нам: «Вот раньше вы, москвичи, ругались на нас, что мы, мешочники, наезжали к вам и опустошали столичные магазины, а теперь все перевернулось». И он широко повел рукой, словно призывая воочию убедиться в правоте его слов. Перевернулось, и правда, многое. Но не только дешевые продукты, чистый воздух и отсутствие бессмысленной суеты вызывают у столичных жителей легкие уколы зависти. Во всех этих улочках [вверх-вниз], чугунных решетках, в солнце, расплескавшемся по куполам, в спокойных лицах не спешащих никуда людей есть неожиданное, почти забытое и такое желанное чувство постоянства. Есть ощущение прикосновения к первооснове, к главному.

важным, необходимым кажется старомодное слово «бенефис» на стене декорации? Потому что театр.

Совсем недавно свой «Вишневый сад» они показывали в Москве. Во время представления на головы зрителей партера сыпались бумажки, окурки и даже увесистые гвозди. Так мило встретили классику и этот тонкий спектакль просвещенные столичные школьники, наполнившие балконы. Говорят, некоторые из особо впечатли-

ТАМ ЖЕ, ТОГДА ЖЕ

Кубатура. - 1993. - 24 февр. - С. 4.

«У каждого поэта есть провинция...» В такой провинции грех не стать поэтом.

На улицах соседнего Липецка подобных чувств не возникает вовсе. Металлургический монстр, отравленный воздух, коммерческие ларьки, политические баталии. Все это хорошо знакомо и надоедо до чертиков. Но все же...

Все же в Липецке есть возможность сделать глоток чистого воздуха, которым дышали Розанов, Бунин, ушедшие во тьму бывшего красивые чеховские героини. Есть та же возможность прикоснуться к своим корням. Ее дает Липецкий имени Л. Толстого.

В седьмой раз прошли здесь «Липецкие театральные встречи». Снова в феврале. Там же, тогда же... По одной в год — значит, семь лет! Мир перевернулся, мир сошел с ума. А здесь — огромный зал полон, и тишина, в ней хрустально звенят знакомые с детства слова русской классики. Так было семь лет назад. Так — теперь. Не в этом ли постоянство?

Если бы кому-нибудь вдруг пришло в голову спросить, каким одним словом можно охарактеризовать Липецкий драмтеатр, то, перебрав в голове несколько вариантов (интеллигентный? — да, но при этом с жесткой профессиональной этикой, с металлом, звучащим порой в голосе главного режиссера; тонкий? зрелищный?), пришлось бы, согласившись с правомочностью каждого из них, остановиться на слове «театральный». И лишь на первый, непосвященный взгляд это будет звучать «маслом масляным».

«Без вины виноватые» — конечно, одна из самых театральных пьес классического репертуара. Хотя бы потому, что герои ее — актеры. Владимир Пахомов доводит это свойство до логического максимума. На авансцене откуда-то из преисподней выплывает суфлерская будка. Зажигаются свечи. Из-за опущенного тяжелого занавеса, будто просочившись меж бархатных складок, появляется некто... Чертик что ли какой? Юркий домовый во фраке? Призрак театра? Звучит браурная музыка. И вот занавес уже поднят. И видишь до боли знакомую декорацию, будто десятилетиями виденную, будто иллюстрирующую собою известный тезис о четвертой стене. (Художники О. Твардовская и В. Макушенко умышленно используют цитирование клас-

сических постановок). А в последнем действии, когда в глубине сцены горит луна, и мерцает в ее свете рябь на пруду, и стоит ангел на колонне, увитой плющом, и все это так детально, тщательно, — дух захватывает. А во время сменяющихся картин хочется расслабиться, достать бинокль и начать рассматривать ложи, выискивая среди присутствующих дам и маячащих за их спинами господ чиновников и офицеров знакомые лица.

Да, мы в провинциальном театре. И — лет сто назад. И кажется, зайдешь после спектакля в буфет — чего бы не зайти? — и непременно обнаружишь там вот этого великолепного Шмагу (В. Пономарев). Где ж ему еще-то быть...

Странное чувство нереальности пространства, в котором находишься, усиливается и другим. Видишь, что играют актеры, безусловно, хорошо знающие, что такое система Станиславского да и всякие другие системы тоже. По-настоящему дерзок, по-настоящему мучается Григорий Незнамов (А. Новиков). Как мстительна и коварна, как искренна и прекрасна в своем злодействе Коринкина (В. Бражник). А как тянет руки в темное пространство зала Кручинина (С. Погребняк): «Мама, мама...» Зрители плачут.

Но вдруг полутона срываются на резкий фальцет, шепот сменяется лихими выкриками, и актер, только что изящно целовавший руку собеседнице, срывается с места и убегает за кулисы, продлевая немилые па. И это уже совсем из другой оперы. Из той самой, столетней давности. Из театральной системы Счастливецова и Несчастливцева.

А после спектакля актеры и зрители чувствовали замечательную актрису, народную артистку России Светлану Погребняк. И трудно было понять, кончился ли спектакль, продолжается ли он. К ногам актрисы, в своем белом платье из роли похожей на какую-нибудь серовскую княгиню, клали цветы. А знаменитая актриса Кручинина... Полноте, полноте! Не Кручинина — Погребняк. И Липецк с металлургическим комбинатом, пустыми ночными улицами, прострадавшимися демократами... Так отчего же до полуночи не расходятся зрители, отчего рвутся к сцене, стоя, аплодируют актрисе С. Погребняк? Отчего, наконец, таким естест-

ельных умудрились даже справиться с высоты естественные потребности. Было удивительно стыдно и глупо обвинять в случившемся кого-то, кроме себя самих.

Пахомов, ставший восемнадцать лет назад главным режиссером в совершенно нетеатральном Липецке, сделал ставку именно на детей. Сказать так — все равно, что сказать: дети — наше будущее. Говорим, говорим, а они потом нам на головы... Пахомов же не ошибся. Возможно, тогда, эти восемнадцать лет назад, в зале тоже хихикали и кидались конфетными обертками. Но Пахомов приручил их. И теперь нарядно, по-театральному, одетые, тщательно причесанные юноши и девушки чутко внимают каждому слову, звучащему со сцены. И детей в зале много, и они тоже — все в спектакле.

О липецком «Вишневом саде» уже писали. И вряд ли удастся что-то добавить к сказанному. Стоит только, пожалуй, обратить внимание на тенденцию, почувствованную и перенесенную Пахомовым на сцену одним из первых. Долгие годы наше искусство (и театр не в последнюю очередь) старалось разрушить гармонию мира своих героев. Не стоит вдаваться в многословные рассуждения о том, почему так было, о тоталитарном мышлении, с которым боролись, и прочем опостылевшем. Факт тот, что успех на этом поприще был достигнут, — несомненный. Неуютный, дискомфортный мир сцены оказался полностью заселенным злыми, закомплексованными, эгоистичными людьми. Оказалось, что даже Антон Павлович писал о таких... А режиссеры все рушат, все рушат, все обнажают и заостряют, не отдавая себе отчета, что уже нестерпимой становится жажда гармонии.

В финальном эпизоде на сцену выходит настоящий оркестрик. Тот самый, еврейский, обрывки музыки которого иногда долетают до чеховских персонажей. И играет что-то знакомое и грустное. А все герои, утонченные и нервные, болтливые и жалкие, на грубом деревянном помосте уползают в темноту. Это они не в Париж уезжают. И не на службу в уездный город. Они уходят в небытие... Становится пусто. Понимаешь, что вместе с ними, такими разными, такими странными, уходит и мир, полный гармонии.

«Липецкие театральные встречи» — очень точное название. Просто разные люди, так или иначе связанные с театром, собираются в этом городе. Им вместе хорошо, они говорят на одном языке. Понимают друг друга с полуслова. Но хорошо понимают и то, что, несмотря на возникшее у них здесь чувство постоянства, несмотря на заверение всевозможных властей, каждая такая встреча может стать последней.

Но пока — слава Богу! — все более менее в порядке. Мается, ищет своего сына знаменитая актриса Кручинина, обрывает на полуслове монолог вдруг растерявшийся Гаев (Ю. Ильин), галантно прикладывает к ручке дамы обольстительный Дудукин (В. Кравченко).

Жизнь идет своим чередом. И видишь вдруг, как тянутся нити от серебристой гостиной в доме Любови Андреевны Равенской, от беззащитных цветов вишневого дерева, от полупетли примерной, от фишки со словом «бенефис» — тянутся туда, к маленькому заснеженному городку с торговыми рядами, колокольнями, воронами на крестах. К тому, что зовется провинцией. К тому, что зовется Россией.

Н. ПАБАУСКАЯ,
С. БЕДНОВ.

● Кручинина — С. Погребняк.

Фото А. Козина.